

Глава 850: Собственную натуру трудно изменить

Мэн Хао растерянno уставился на возникшую нечёткую иллюзию. Мужчина средних лет в длинном белом халате сидел в позе лотоса перед колодецом. Окружающая колодец стена внезапно вновь стала целой, а рядом с ней возникла простенькая хижина, при этом стена и хижина заросли лозами тыквы-горлянки. Мужчина, казалось, смотрел в колодец целую вечность, словно он был заперт в этом коротком мгновении.

Это было довольно простое видение, практически заурядное, но Мэн Хао всё равно задрожал. Голос, прозвучавший в ушах, пронзил его душу. Он задумался о многих вещах, людях, предметах. Он не знал, когда точно, но в один момент он сел в позу лотоса у колодца и тоже начал смотреть в него. В его разуме царили растерянность и внутренняя борьба, словно прозвучавший древний голос этих древних руин затронул его силу воли и заставил его забытьcя.

Мысленно он сопротивлялся давлению. Его сила воли позволила ему сохранить частицу рассудка, которая не позволила ему окончательно уйти в забытье. Спустя два часа из глаз Мэн Хао медленно исчезла растерянность, на её место пришёл яркий свет.

"Какая невероятная проекция Дао!" — подивился Мэн Хао.

У него на лбу выступила испарина, он тяжело вздохнул и с ужасом подумал о забытьи, в котором недавно находился. Если бы в этом месте существовали ещё и опасности, а не только благословения и шансы на просветление, тогда бы жизнь Мэн Хао оказалась в ещё большей опасности.

"Божественное сознание позволит мне найти больше таких бессмертных руин, а сила воли поможет противостоять их давлению. Интуиция же нужна для обретения просветления. Вот... что такое креативность". Мэн Хао продолжил сидеть в позе лотоса, прокручивая в голове увиденное.

— Должен существовать предмет, который заставляет меня вспомнить о ком-то, — пробормотал он.

Открыв бездонную сумку, он проверил её божественным сознанием. Внезапно он слегка напрягся, а потом неловко отвёл глаза.

— Эм... — После некоторых колебаний он вытащил стопку бумаги. — Каждый раз, как я смотрю на эту долговую расписку, я вспоминаю об ослепительном Тайян Цзы... А эта бумажка напоминает мне о Цзи Сяосяо. Эта навеивает воспоминания о Сун Лодане. А вот эта о... Ли Лин'эр. Эта о Сунь Хае. Жаль только, что мне так и не удалось добыть долговую расписку Фань Дун'эр. Да и Цзи Инь увильнула от написания расписки.

Изучив долговые расписки, он натянуто улыбнулся. В своём просветлении он понял, что отличался от мужчины, сидящего перед колодецом. Этот человек явно скучал по старому другу или, быть может, любимой. Жизнь Мэн Хао была совсем другой.

Он со вздохом убрал долговые расписки и поднялся на ноги. Взглянув на руины в последний раз, он умчался вдаль.

"Не думаю, что просветление этого места мне подходит, — подумал он, покачивая головой. — В противном случае я бы не вспомнил о долговых расписках в месте, которое должно напомнить мне о старых друзьях".

Превратившись в луч света, он полетел дальше. Разумеется, его божественное сознание подпитывало восемьдесят процентов силы истинного бессмертного, поэтому, раскинув его, он без труда обнаружил новые руины.

Впереди лежала пересохшая древняя река. Осталось только высохшее русло, от которого исходило давление. В этот раз не было никакого голоса, только давление. Причём оно оказалось сильнее, чем то, с чем ему пришлось столкнуться у колодца.

Он сел в позу лотоса на дне русла и около часа сражался с давлением. Когда он наконец пришёл в себя, его спина взмокла от пота, а дыхание было прерывистым.

"Если оставшиеся руины такие же, как и эти, вдобавок ещё целый бессмертный павильон, это значит, что чем больше я обрету просветления, тем лучше будет результат при создании божественной способности. С другой стороны... я всего лишь во вторых руинах, и мне уже довольно тяжело. Интересно, сколько руин смогли уже посетить остальные?"

Мэн Хао хмуро взглянул на русло реки. Сражаясь с давлением силой воли, перед его глазами возникло видение. Он увидел текущую в небе воду, бескрайние волны. Эта река могла сотрясти Небо и Землю. Текущая вверх река прорезала в небе огромную прореху.

— Готов спорить, что я смогу постичь эту реку, — пробормотал он себе под нос, — и смогу создать божественную способность, связанную с текущей водой. Стоит мне её использовать, как вокруг меня появится небесная река, которая сметёт всех моих врагов.

Подумав об этом немного, он пришёл к выводу, что такая божественная способность действительно будет довольно сильной. Поэтому он продолжил сидеть на дне высохшей реки, пытаясь обрести просветление. Однако спустя шесть часов, раздражённый, он открыл глаза. За всё это время ему так и не удалось привести мысли в порядок.

"Когда я смотрю на реку, то понимаю, что она ведёт к просветлению о божественной способности, но мне никак не удаётся выбросить из головы реку у подножия горы Дацин и брошенный мной бутыл с запиской внутри".

Задумчиво почесав голову, он вспомнил о написанных там выпретенных словах, после чего пришло осознание, что он до сих пор так и не достиг цели. Мэн Хао не удержался от вздоха. "Похоже, это место мне тоже не подходит", — решил он. Поднявшись, он разослал божественное сознание в поисках новых руин.

Тем временем зрители во всех уголках Девятой Горы и Моря наблюдали за происходящим на трёх древних дорогах. Разумеется, проекции были затуманены, даже патриархи в звёздном дворце не видели чёткой картины. Всё-таки бессмертные руины наполняла невероятная сила. Как только участники создадут свои финальные божественные способности, все смогут увидеть, что происходит. Однако зрители могли видеть три древних дороги, к тому же все знали, что участники сейчас пытаются получить просветление в руинах.

Во дворце среди звёзд патриархи обсуждали ход испытания:

— Похоже, большинство участников всё ещё занимаются изучением своих первых бессмертных руин. Интересно, какого рода просветление получит человек, потративший на изучение больше всего времени?

— Ну, кто бы это ни был, он явно сможет создать невероятную божественную способность, в этом нет сомнений.

— Верно, господин Фань из мира Бога Девяти Морей обрёл просветление из девяноста первых руин. Именно там он создал несравненную технику Смертное Море Становится Бессмертным! В награду он получил целых девятнадцать стел! Создание божественных способностей сильно завязано на характере человека. Великие люди широких взглядов создают божественные способности, подходящим им по характеру, когда как у людей с более узким мышлением обычно получаются крайне радикальные божественные способности. Разные люди — разные божественные способности.

Патриарх из общества Горящих Благовоний внезапно посмотрел на проекцию Мэн Хао.

— Э? Фан Му уже обрёл просветление в двух бессмертных руинах!

К всеобщему удивлению, на проекции Мэн Хао мерцало две ярких точки.

Тем временем на древней дороге Зарождения Души Толстяк в забытьи сидел рядом с деревянным колом. Кол достигал в высоту трёхсот метров и казался древним, словно простоял здесь много веков. На самом его верху рос гриб бессмертия! Пурпурная шляпка огромного гриба напоминала мельничный жёрнов. При этом от него исходил благоухающий аромат. Толстяк невольно сглотнул слюну и с блеском в глазах посмотрел на гриб.

— Эта штука точно сокровище... Достаточно учуять этот запах, и сразу становится понятно, что это небесная материя и земная драгоценность.

Он быстро достал летающий меч из сумки и отправил его в сторону гриба бессмертия. В воздухе меч задрожал, а потом его резко отбросило назад. Гриб при этом не шелохнулся.

Глаза Толстяка загорелись, и он вытащил ещё несколько магических предметов, а потом задействовал всю свою культивацию. Спустя час непрекращающихся попыток ему так и не удалось пробить оболочку гриба бессмертия.

— Не могу поверить! — воскликнул он, вскочив на ноги.

Кипя от ярости, он взмыл в воздух и вцепился зубами в гриб. Как только его зубы сомкнулись на шляпке, из горла Толстяка вырвался крик боли, и он отлетел назад. У него всё поплыло перед глазами, а зубы болели так сильно, что, казалось, они сейчас расколются на мелкие куски. По его щекам заструились слёзы. Сейчас он выглядел точь-в-точь как в тот раз в секте Пурпурной Судьбы, когда Мэн Хао переплавил ему особую пилюлю, которую он должен был раскусить.

— Я так это не оставлю! — взревел он.

Толстяк опять взмыл вверх, сосредоточив всю силу своей культивации на своих зубах-сокровищах. И вновь он сомкнул зубы на грибе бессмертия. Его пронзила острая боль, но в нём лишь вскипело ещё больше энергии.

— Нет ничего, чего бы не смог раскусить дедушка Толстяк! — промышчал он, сжав зубы ещё сильнее.

К его счастью, Толстяк был в этом мире совсем один, а то от увиденного любой другой человек лишился бы дара речи. Если бы нашёлся художник, запечатлевший эту сцену, то на картине был бы изображён Толстяк, который, словно дикий пёс, вцепился зубами в гриб...

В течение часа Толстяк пытался разгрызть гриб и наконец с яростным рыком ему удалось

откусить крохотный кусочек шляпки. Его глаза сияли словно рубины, пока он жевал гриб бессмертия, а потом проглотил его. Только он хотел продолжить, как вдруг по его телу пробежала судорога, и он словно куль с мукой рухнул на землю без сознания. Спустя два часа он наконец разлепил глаза, однако в них не было ничего кроме пустоты.

"Вот это сон! — подумал он. — Я видел себя, создающего божественную способность..."

Спустя мгновение его глаза ярко заблестели. Он продолжил грызть гриб бессмертия, пока ему не удалось оторвать ещё кусочек, после чего он опять потерял сознание. Это повторялось ещё много раз, пока даже Толстяк не сбился со счета. В конце концов он сумел съесть половину гриба бессмертия.

Чэнь Фан с той же древней дороги Зарождения Души молча стоял рядом с огромным камнем. В его руке лежала кисть, но выглядел он отстранённым, словно находился в забытье. Наконец он взмахнул кистью и начал рисовать девушку. Не просто девушку, а свою жену Шань Лин.

— Мой дух запятнала тьма, — прошептал он, — но я никогда не забуду любовь, до самой смерти.

В другом мире Ван Юцай сидел в позе лотоса напротив огромного бронзового зеркала, которое выглядело невероятно древним. Глядя на своё отражение, на его лице проступало то свирепая грима, то опустошённость, то просветление. Он сидел перед этим зеркалом уже долгое время.

— Когда смотрю на мир, когда смотрю на Небо и Землю, то вижу будущее и вижу прошлое... — хрипло сказал он. — Но я знаю, что мои глаза могут видеть куда больше!

Сейчас он напоминал человека, балансирующего на грани безумия. Когда Мэн Хао, Дун Ху и Ван Юцай присоединились к секте Покровителя, Мэн Хао можно было описать как человека смышлёного, Дун Ху был молчаливым, а Ван Юцай — упрямым!